ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. О. Ключевский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

- Василий Осипович Ключевский
  - Елизавета I

Василий Осипович Ключевский

Елизавета I

Императрица Елизавета Петровна

Дальнейшие смены на престоле. Когда в январе 1730 г. простудился и опасно заболел Петр II, временщики, князь Алексей Долгорукий и его сын Иван, любимец императора-мальчика, решили удержать власть в своих руках посредством

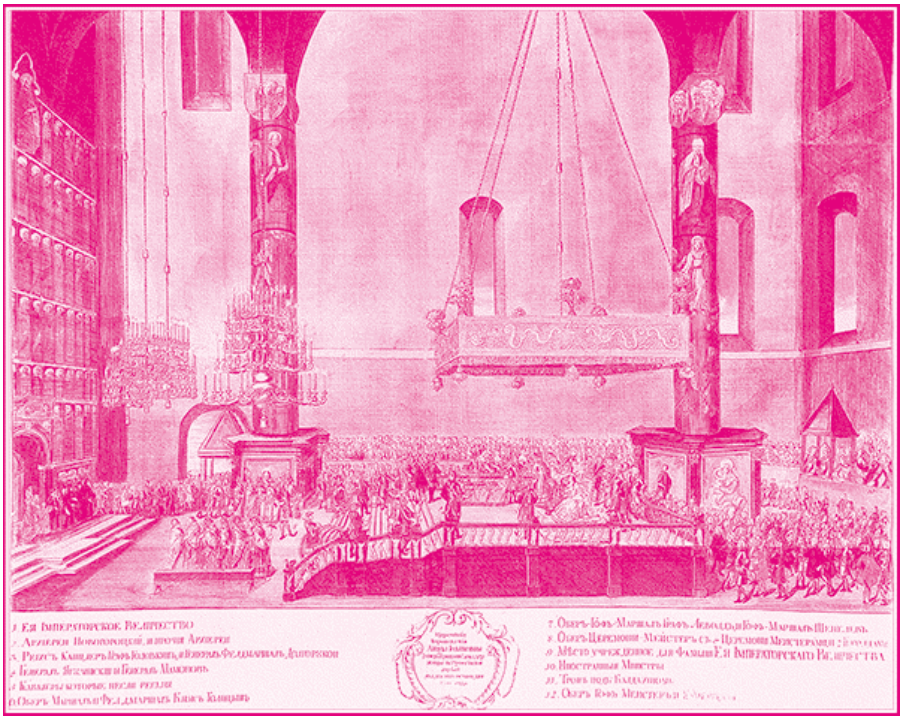
обмана. Они собрали фамильный совет, на котором князь Алексей предложил принять подложное завещание умиравшего императора, передававшее верховную власть его невесте княжне Екатерине, дочери князя Алексея. Другой Долгорукий, поумнее, – фельдмаршал князь Василий Владимирович усомнился в удаче этой нелепой затеи. Князь Алексей возражал, что он, напротив, вполне уверен в успехе дела, и, в оправдание своей уверенности, сказал: «Ведь ты, князь Василий, в Преображенском полку подполковник, а князь Иван – майор, да и в Семеновском против того спорить будет некому». Значит, придворные люди, всего ближе стоявшие к престолу, тогда уже привыкали думать, что ни в каком важном политическом деле нельзя обойтись без участия гвардии, что, напротив, успех такого дела обеспечен, как скоро его поддерживают гвардейские офицеры.

По смерти Петра II Верховный тайный совет неожиданно, помимо всякой очереди и без ведома других высших учреждений, избрал на престол дочь царя Ивана, вдову-герцогиню Курляндскую Анну, ограничив ее власть. Предприятие, как увидим, пало вследствие вмешательства гвардейских офицеров и дворянства. Усыпленная Тайной канцелярией и 10-летним русским безмолвием, Анна до совершеннолетия своего преемника, двухмесячного ребенка, накануне своей смерти (17 октября 1740 г.), назначила Бирона регентом с самодержавными полномочиями. Это был грубый вызов русскому чувству национальной чести, смущавший самого Бирона. «Небось», – ободрила его Анна, умирая. Но немцы, после десятилетнего господства своего при Анне, озлобившего русских, усевшись около русского престола, точно голодные кошки около горшка с кашей, и достаточно напитавшись, начали на сытом досуге грызть друг друга. Миних, пообедав и любезно просидев вечер 8 ноября 1740 г. у регента, ночью с дворцовыми караульными офицерами и солдатами Преображенского полка, командиром которого состоял, арестовал Бирона в постели. Причем солдаты, порядком поколотив его и засунув ему в рот носовой платок, завернули его в одеяло и снесли в караульню, а оттуда, в накинутой сверх ночного белья солдатской шинели, отвезли в Зимний дворец, откуда потом отправили с семейством в Шлиссельбург. Анна Леопольдовна, мать императора, провозгласила себя правительницей государства, и тогда правительство совсем расстроилось. Остерман интригами оттер Миниха от власти, а Анна, принцесса совсем дикая, сидевшая по целым дням в своих комнатах неодетой и непричесанной, была на ножах со своим супругом Антоном Ульрихом Брауншвейгским, генералиссимусом русских войск, в мыслительной силе не желавшим отставать от

своей супруги.

Пользуясь слабостью правительства и своей популярностью, особенно в гвардейских казармах, цесаревна Елизавета, дочь Петра I, в ночь на 25 ноября 1741 г. с гренадерской ротой Преображенского полка произвела новый переворот с характерными подробностями. Горячо помолившись Богу и дав обет во все царствование не подписывать смертных приговоров, Елизавета, в кирасе поверх платья, только без шлема, и с крестом в руке вместо копья, без музыки, но со своим старым учителем музыки Шварцем, явилась новой Палладой в казармы Преображенского полка. Она напомнила подготовленным уже гренадерам, чья она дочь, стала на колени и, показывая крест тоже коленопреклоненным гренадерам, сказала: «Клянусь умереть за вас; клянетесь ли вы умереть за меня?» Получив утвердительный ответ, она повела их в Зимний дворец, без сопротивления проникла в спальню правительницы и разбудила ее словами: «Пора вставать, сестрица!» – «Как, это вы, сударыня?!» – спросила Анна спросонья и была арестована самой цесаревной, которая, расцеловав низвергаемого ребенка-императора, отвезла мать в свой дворец. Принц-отец, разбуженный в своей спальне, растерянно сидел на постели; гренадеры завернули его в одеяло, как Бирона год назад, снесли вниз и отвезли вслед за женой во дворец Елизаветы. Туда же собрали и важнейших деятелей павшего правительства, в том числе и Миниха с Остерманом, сильно помятых солдатами при аресте, а вслед за арестантами стеклись к новой императрице ее приверженцы, заждавшиеся своей правительственной очереди. Восторженно приветствуемая народом и гвардией, Елизавета в тот же день перебралась в очищенный Зимний дворец. Так удачной ночной феерией разогнан был курляндско-брауншвейгский табор, собравшийся на берегах Невы дотрепывать верховную власть, завещанную Петром Великим своей империи.

По воцарении Елизаветы, когда патриотические языки развязались, церковные проповедники с безопасной отвагой говорили, что немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников. Во всяком случае, Брауншвейг-Люнебург не стал родоначальником новой русской династии, а попал с престола в русскую крепость, уступив свое место Голштейн-Готторпу. Тогда в России дворец и крепость стояли рядом, поддерживая друг друга и обмениваясь жильцами. Преемник и племянник Елизаветы – герцог Голштинский Петр III – воцарился без замешательства, но через полгода был низвержен своей женой, ставшей во главе гвардейских полков.



Коронация Елизаветы Петровны

Гвардия и дворянство. Таким образом, повторю, почти все правительства, сменявшиеся со смерти Петра I до воцарения Екатерины II, были делом гвардии. С ее участием в 37 лет при дворе произошло пять-шесть переворотов. Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховного тайного совета, преемницей московского Земского собора. Это участие гвардейских полков в решении вопроса о престоле имело очень важные политические последствия; прежде всего оно оказало сильное действие на политическое настроение самой гвардии. Сначала послушное орудие в руках своих вожаков, Меншикова, Бутурлина, она потом хотела быть самостоятельной двигательницей событий, вмешивалась в политику по собственному почину; дворцовые перевороты стали для нее приготовительной политической школой. Но тогдашняя гвардия не была только привилегированной частью русского войска, оторванной от общества: она имела влиятельное общественное значение, была представительницей целого сословия, из среды которого почти исключительно комплектовалась.

В гвардии служил цвет того сословия, слои которого, прежде разобщенные, при Петре I объединились под общим названием дворянства или шляхетства, и по законам Петра она была обязательной военной школой для этого сословия. Политические

вкусы и притязания, усвоенные гвардией благодаря участию в дворцовых делах, не оставались в стенах петербургских казарм, но распространялись оттуда по всем дворянским углам, городским и деревенским. Эту политическую связь гвардии с сословием, стоявшим во главе русского общества, и опасные последствия, какие отсюда могли произойти, живо чувствовали властные петербургские дельцы того времени. Когда, по смерти императрицы Анны, регентом стал Бирон, в гвардии быстро распространился ропот против курляндского авантюриста, постыдным путем достигшего такой власти. Бирон жаловался на строптивость гвардии, обзывал ее янычарами и видел корень зла именно в ее сословном составе, с досадой говорил: «Зачем это в гвардии рядовые из дворян? Их можно перевести офицерами в армейские полки, а на их место набрать гвардию из простого народа». Это опасение быть раскассированными по армейским полкам всего более и подняло гвардейцев против Бирона, побудив их в 1740 г. идти за Минихом.

Е. Лансере. **Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе.** *1905 г.*

Поэтому, одновременно с дворцовыми переворотами и под их очевидным влиянием, и в настроении дворянства обнаруживаются важные перемены: 1) благодаря политической роли, какая ходом придворных дел была навязана гвардии и так охотно ею разучена, среди дворянства установился такой притязательный взгляд на свое значение в государстве, какого у него не было заметно прежде; 2) при содействии этого взгляда и обстоятельств, его установивших, изменялись и положение

дворянства в государстве, и его отношения к другим классам общества.

Политическое настроение высшего класса. Деятельность Петра во всем русском обществе пробудила непривычную и усиленную работу политической мысли. Переживали столько неожиданных положений, встречали и воспринимали столько невиданных явлений, такие неиспытанные впечатления ложились на мысль, что и неотзывчивые умы стали задумываться над тем, что творилось в государстве. Излагая народные толки при Петре и про Петра, я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, далекие от их ежедневного кругозора. Но странные явления, которые так возбуждали общее внимание, не прекращались и после Петра.

Древняя Русь никогда не видала женщин на престоле, а по смерти преобразователя на престол села женщина, да еще неведомо откуда взявшаяся иноземка. Эта новость вызвала в народе много недоразумений, печальных или забавных. Так, во время присяги императрице-вдове некоторые простачки в Москве отказались присягать, говоря: «Если женщина стала царем, так пусть женщины ей и крест целуют». Это возбуждение политической мысли прежде и сильнее всего должно было обнаружиться в высшем классе, дворянстве, ближе других сословий стоявшем к государственным делам, как привычное орудие правительства. Но это оживление неодинаково проявилось в различных слоях сословия. Между тем как в рядовом дворянстве, беспощадно выгоняемом из захолустных усадеб в полки и школы, мысль изощрялась на изобретении способов, как бы отбыть от науки и службы, в верхних слоях, особенно в правительственной среде, умы усиленно работали над более возвышенными предметами. Здесь еще уцелели остатки старой боярской знати, образовавшие довольно тесный кружок немногих фамилий.

Из общего политического возбуждения здесь выработалась своего рода политическая программа, сложился довольно определенный взгляд на порядок, какой должен быть установлен в государстве. Различные условия помогали более раннему и углубленному напряжению политической мысли в этом родовитом и вместе высокочиновном слое дворянства. Прежде всего, здесь еще не успели погаснуть некоторые политические предания, шедшие из XVII в. А в XVIII в. московское боярство сделало несколько попыток ограничить верховную власть. Одну из них, предпринятую при царе Федоре и едва не удавшуюся, помнили еще и по смерти Петра старики, входившие в состав этой знати. Да и сам Петр, как ни мало это на него похоже, своей

областной децентрализацией, этими восьмью губернскими царствами 1708 г. с полномочными проконсулами во главе их, мог только освежить воспоминание о великородных наместниках, задуманных в боярском проекте 1681 г.

С другой стороны, произвол Петра, его пренебрежение к породе подогревали эти воспоминания. Мы уже знаем, что последние десятилетия XVII в., особенно время правления царицы Натальи, отмечены были современниками как начальная эпоха падения первых знатнейших фамилий и возвышения людей из «самого низкого и убогого шляхетства». При Петре эти люди стали первыми вельможами, «большими господами государства». В головах, заучивавших наизусть десятки поколений своих занумерованных родословных предков, антагонизм старой и новой знати преображал свежие предания прошедшего в светлые мечты будущего. Прожектеры Петра I не могли заметно повлиять на политическое сознание русского общества. Их проекты не оглашались, обсуждали преимущественно вопросы практического характера, финансовые, промышленные, полицейские, не касаясь основ государственного порядка, из европейских уставов выбирали только то, что «приличествует токмо самодержавию». Нельзя преувеличивать и действия на русские умы политической литературы, компилятивной и переводной, печатной и рукописной, накопившейся при Петре I. Одобряя чтение Пуффендорфа, Гуго Гроция, Татищев сетует на распространение таких вредных писателей, как Гоббс, Локк, Боккалини, итальянский либерал и сатирик XVI–XVII вв., который в своем сочинении, изображая парнасский суд Аполлона и ученых мужей над властителями мира, представляет, как все государи, к великой досаде ученого судилища, присоединяются к принцу московскому, признавшемуся в своей ненависти к наукам и просвещению. Ходячие и безвредные для русского читателя идеи западноевропейской публицистики о происхождении государств, об образах правления, о власти государей изложены Ф. Прокоповичем в «Правде воли монаршей», но этой краткой энциклопедии государственного права, при всем интересе вызвавшего ее вопроса, в 4 года не раскупили и 600 экземпляров.

Большую долю брожения, хотя и в ограниченной сфере действия, вносило в политическое настроение высшего класса ближайшее знакомство с политическими порядками и общественными нравами Западной Европы, какое приобреталось людьми этого класса путем учебных и дипломатических посылок за границу. Как ни тускло представлялись пониманию русского наблюдателя порядки заграничной жизни, все же он не мог на некоторых из них не остановить удивленного внимания. Он ехал

за границу с воспитанной всем складом русского быта мыслью, что без уставно-церковной подтяжки и полицейского страха невозможны никакая благопристойность, никакой общественный порядок. И вот петровский делец Толстой отмечает в своем дневнике, что «венецианe» живут весело и ни в чем друг друга не зазирают. Ни от кого, ни в чем никакого страха никто не имеет, всякий делает по своей воле, кто что хочет, но живут во всяком покое, без обиды и без тягостных податей.

Вещи еще удивительнее заметил во Франции другой петровский делец, Матвеев, сын просвещенного воспитателя матери Петра: «Никто из вельмож ни малейшей причины, ни способа не имеет даже последнему в том королевстве учинить какого озлобления или нанесть обиду… Король, кроме общих податей, хотя самодержавный государь, никаких насилований не может, особливо ни с кого взять ничего, разве по самой вине, по истине рассужденной от парламента… Дети их (французской знати) никакой косности, ни ожесточения от своих родителей, ни от учителей не имеют, но в прямой воле и смелости воспитываются и без всякой трудности обучаются своим наукам». Люди, живущие по своей воле и не пожирающие друг друга, вельможи, не смеющие никого обидеть, самодержец, не могущий ничего взять со своих подданных без определения парламента, дети, успешно обучающиеся без побоев, – все это были невозможные нелепости для тогдашнего московского ума, способные вести только к полной анархии. И все эти нелепые невозможности русский наблюдатель видел воочию, как ежедневные обиходные факты или правила, нарушение которых считалось скандалом.

Царствование. Императрица Елизавета царствовала двадцать лет, с 25 ноября 1741 г. по 25 декабря 1761 г. Царствование ее было не без славы, даже не без пользы. Молодость ее прошла не назидательно. Ни строгих правил, ни приятных воспоминаний не могла царевна вынести из беспризорной второй семьи Петра, где первые слова, какие выучивался произносить ребенок, были «тятя», «мама», «солдат». Мать спешила, как можно скорее сбыть дочерей замуж, чтобы, в случае смерти их отца, не иметь в них соперниц по престолонаследию. Подрастая, Елизавета казалась барышней, получившей воспитание в девичьей. Всю жизнь она не хотела знать, когда нужно вставать, одеваться, обедать, ложиться спать. Большое развлечение доставляли ей свадьбы прислуги: она сама убирала невесту к венцу и потом из-за двери любовалась, как веселятся свадебные гости. В обращении она была то чересчур проста и ласкова, то из пустяков выходила из себя и бранилась, кто бы ни попадался, лакей или царедворец, самыми неудачными

словами, а фрейлинам доставалось и больнее.

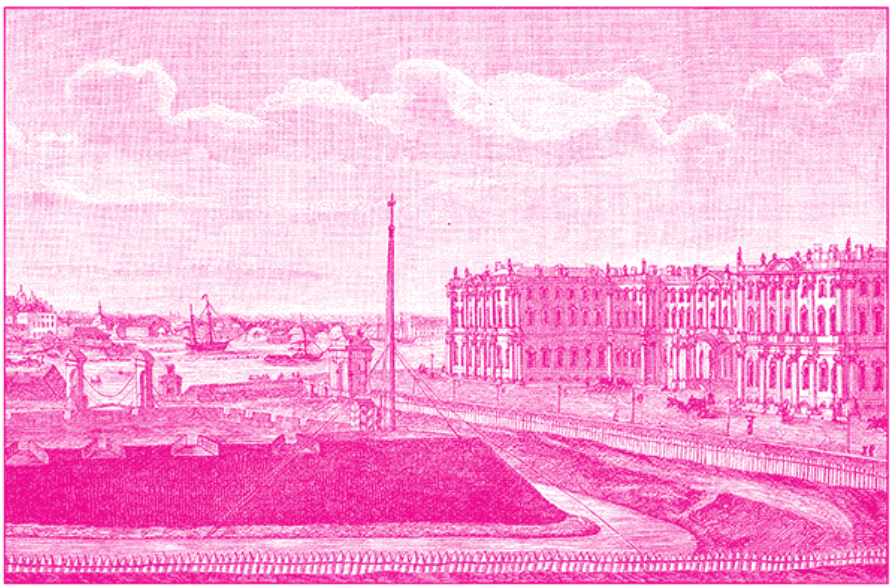
Елизавета попала между двумя встречными культурными течениями, воспиталась среди новых европейских веяний и преданий благочестивой отечественной старины. То и другое влияние оставило на ней свой отпечаток. Она умела совместить в себе понятия и вкусы обоих. От вечерни она шла на бал, а с бала поспевала к заутрене, благоговейно чтила святыни и обряды Русской церкви, выписывала из Парижа описания придворных версальских банкетов и фестивалей, до страсти любила французские спектакли и до тонкости знала все гастрономические секреты русской кухни.

Послушная дочь своего духовника отца Дубянского и ученица французского танцмейстера Рамбура, она строго соблюдала посты при своем дворе, так что гастроному канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину только с разрешения константинопольского патриарха дозволено было не есть грибного, и во всей империи никто лучше императрицы не мог исполнить менуэта и русской пляски. Религиозное настроение согревалось в ней эстетическим чувством. Невеста всевозможных женихов на свете, от французского короля до собственного племянника, при императрице Анне спасенная Бироном от монастыря и герцогской саксен-кобургмейнингенской трущобы, она отдала свое сердце придворному певчему из черниговских казаков. Ее дворец превратился в музыкальный дом. Выписывали и малороссийских певчих, и итальянских певцов, а чтобы не нарушить цельности художественного впечатления, те и другие совместно пели и обедню и оперу. Двойственностью воспитательных влияний объясняются приятные или неожиданные противоречия в характере и образе жизни Елизаветы.

Живая и веселая, но не спускавшая глаз с самой себя, при этом крупная и стройная, с красивым круглым и вечно цветущим лицом, она любила производить впечатление. И, зная, что к ней особенно идет мужской костюм, она установила при дворе маскарады без масок, куда мужчины обязаны были приезжать в полном женском уборе, в обширных юбках, а дамы – в мужском придворном платье.

Наиболее законная из всех преемников и преемниц Петра I, но поднятая на престол мятежными гвардейскими штыками, она наследовала энергию своего великого отца, строила дворцы в двадцать четыре часа и в двое суток проезжала тогдашний путь от Москвы до Петербурга, исправно платя за каждую загнанную лошадь. Мирная и беззаботная, она была вынуждена воевать чуть не половину своего царствования. Она побеждала первого стратега того времени, Фридриха Великого, брала Берлин,

уложила пропасть солдат на полях Цорндорфа и Кунерсдорфа. Но с правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 г. не оставляло по себе такого приятного воспоминания. При двух больших коалиционных войнах, изнурявших Западную Европу, казалось, Елизавета со своей 300-тысячной армией могла стать вершительницей европейских судеб. Карта Европы лежала перед ней в ее распоряжении, но она так редко на нее заглядывала, что до конца жизни была уверена в возможности проехать в Англию сухим путем; и она же основала первый настоящий университет в России – Московский.



Новый Зимний дворец, построенный в конце царствования Елизаветы Петровны.

С акварели Бенуа. XIX в.

Ленивая и капризная, пугавшаяся всякой серьезной мысли, питавшая отвращение ко всякому деловому занятию, Елизавета не могла войти в сложные международные отношения тогдашней Европы и понять дипломатические хитросплетения своего канцлера Бестужева-Рюмина. Но в своих внутренних покоях она создала себе особое политическое окружение из приживалок и рассказчиц, сплетниц. В их главе стоял интимный солидарный кабинет, где премьером была Мавра Егоровна Шувалова, жена известного нам изобретателя и прожектера, а членами состояли Анна Карловна Воронцова, урожденная Скавронская, родственница императрицы, и какая-то просто Елизавета Ивановна, которую так и звали «министром иностранных дел». «Все дела через нее государыне подавали», – замечает

современник. Предметами занятий этого кабинета были россказни, сплетни, наушничества, всякие каверзы и травля придворных друг против друга, доставлявшая Елизавете великое удовольствие. Это и были «сферы» того времени; отсюда раздавались важные чины и хлебные места; здесь вершились крупные правительственные дела. Эти кабинетные занятия чередовались с празднествами. Смолоду Елизавета была мечтательна и, еще будучи великой княжной, раз в очарованном забытье подписала деловую хозяйственную бумагу вместо своего имени словами «Пламень огн…».

Вступив на престол, она хотела осуществить свои девические мечты в волшебную действительность; нескончаемой вереницей потянулись спектакли, увеселительные поездки, куртаги, балы, маскарады, поражавшие ослепительным блеском и роскошью до тошноты. Порой весь двор превращался в театральное фойе. Изо дня в день говорили только о французской комедии, итальянской комической опере и ее содержателе Локателли, интермеццах и т. п.

Но жилые комнаты, куда дворцовые обитатели уходили из пышных зал, поражали теснотой, убожеством обстановки, неряшеством. Двери не затворялись, в окна дуло; вода текла по стенным обшивкам, комнаты были чрезвычайно сыры. У великой княгини Екатерины в спальне в печи зияли огромные щели; близ этой спальни в небольшой каморе теснилось 17 человек прислуги; меблировка была так скудна, что зеркала, постели, столы и стулья по надобности перевозили из дворца во дворец, даже из Петербурга в Москву, ломали, били и в таком виде расставляли по временным местам. Елизавета жила и царствовала в золоченой нищете; она оставила после себя в гардеробе с лишком 15 тысяч платьев, два сундука шелковых чулок, кучу неоплаченных счетов и недостроенный громадный Зимний дворец, уже поглотивший с 1755 по 1761 г. более 10 миллионов рублей на наши деньги.

Незадолго до смерти ей очень хотелось пожить в этом дворце; но она напрасно хлопотала, чтобы строитель Растрелли поспешил отделать хотя бы только ее собственные жилые комнаты. Французские галантерейные магазины иногда отказывались отпускать во дворец новомодные товары в кредит. При всем том в ней, не как в ее курляндской предшественнице, где-то там глубоко под толстой корой предрассудков, дурных привычек и испорченных вкусов еще жил человек, порой прорывавшийся наружу: то в обете перед захватом престола никого не казнить смертью и в осуществившем этот обет указе 17 мая 1744 г., фактически отменившем смертную казнь в России, то в

неутверждении свирепой уголовной части Уложения, составленной в Комиссии 1754 г. и уже одобренной Сенатом, с изысканными видами смертной казни, то в недопущении непристойных ходатайств Синода о необходимости отказаться от данного императрицей обета, то, наконец, в способности плакать от несправедливого решения, вырванного происками того же Синода.

Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII в., которую, по русскому обычаю, многие бранили при жизни и, тоже по русскому обычаю, все оплакали по смерти.